

ИНТЕРВЬЮ ПРОФЕССОРА ПАОЛО АЛАТРИ⁶

Встреча с итальянским профессором Паоло Алатри состоялась солнечным весенним днем 18 апреля 1978 г. в его римской квартире. В тот год ему исполнилось 60 лет, но для советского историка он представлялся уже почтеннейшим мэтром, чья работа «Происхождение фашизма»⁷ была опубликована в СССР в 1961 г. Кстати один из авторов перевода И.Н. Бочаров возглавлял в это время корпункт АПН в Риме и оказывал мне посильную помощь в контактах с итальянскими исследователями.

По своим политическим взглядам П. Алатри являлся типичным представителем того поколения итальянской интеллигенции, кто после падения фашизма присоединился к Партии Действия, затем принял коммунистические идеи. Однако творческий потенциал марксистских идей быстро себя исчерпал, столкнувшись с партийной ортодоксией, установившей табу для интеллектуалов-коммунистов на творческие контакты за пределами марксистского фундаментализма. «Быть коммунистом» жестко трактовалось в связке с «быть марксистом». Это оттолкнуло от коммунистической партии многие творческие натуры, которые не хотели и не могли замыкаться в рамках партийной ортодоксии. Жесткая практика сталинского реального социализма, преданная гласности XX съездом, и подавление венгерского мятежа в 1956 г., привели к выходу из ИКП большой группы творческой интеллигенции, в рядах которой находился и П. Алатри. С тех пор П. Алатри ассоциируется как левоцентристский исследователь, антифашист, критически относившийся к советской политике. В ходе интервью Паоло Алатри не раз «подкалывал» интервьюера, молодого советского коммуниста-историка, по поводу практики советского режима.

Но все-таки главным итогом встречи являлись его откровенная и квалифицированная оценка реального состояния итальянской историографии фашизма. Прежде всего, хотелось бы напомнить о политическом фоне, который сопровождал интервью. В связи с захватом «красными бригадами» видного политического деятеля христианско-демократической партии Альдо Моро Италия оказалась в центре международной политической жизни. До сих пор не все обстоятельства пленения, а затем убийства Альдо Моро про-

⁶ Интервью с П. Алатри продолжает публикацию записей бесед В.И. Михайленко с известными итальянскими историками, осуществленных им в период научной стажировки в Италии в 1977-1978 гг. См. интервью с проф. Р. Де Феличе: *Gli storici italiani e il fascismo: Renzo De Felice // Nuova storia contemporanea*. 1998. N 2 (Русская версия публикации: Уральский вестник международных исследований. Вып. 2. Екатеринбург, 2004).

⁷ Алатри П. *Происхождение фашизма*. Пер. И. Н. Бочарова, Н. К. Георгиевской, К. Г. Холодковского. М., 1961.

яснены. Что говорить о 1978 г., одной из кризисных точек биполярного противостояния, когда некоторые итальянские политики и западные средства массовой информации настойчиво искали советский след в действиях «красных бригад», а в каждом советском человеке видели представителя таинственного и всесильного КГБ. В моем дневнике от 18 апреля записано: «Прошла информация, что тело Альдо Моро найдено в одном из озер между Лацио и Аbruцци».

В историографическом плане мне сильно повезло, поскольку пребывание в Италии совпало с ожесточенной дискуссией, вызванной появлением трудов Ренцо Де Феличе, прежде всего, его новой книги «Муссолини – дуче. Годы консенсуса»⁸, которая последовала за не менее провокационными книгами «Муссолини-революционер», «Муссолини-фашист»⁹ и небольшой, но концептуальной книгой «Интервью о фашизме»¹⁰.

До прибытия в Италию мои научные интересы были сконцентрированы на внешней политике фашистской Италии. Тема происхождения и эволюции фашистского режима представлялась статичной, скучной и неинтересной. Казалось, что после замечательных работ П. Алатри и Б.Р. Лопухова тему можно спокойно закрывать.

Воистину, нет худа без добра. Возможность скорого доступа к итальянским архивам становилась для меня все более и более призрачной. Во время встречи с директором Архива МИД Энрико Серрой мне было категорически заявлено, что итальянская сторона настаивает на взаимности, о чем я должен сообщить непосредственно С.Л.Тихвинскому, занимавшему в тот период должность начальника Историко-дипломатического управления МИД. Энрико Серра было невдомек, что советскому ученому проще было добиться встречи с ним, чем с высокопоставленным советским чиновником.

Чтобы попусту не терять время я начал отслеживать дискуссии о фашизме. Исследование историографического процесса в Италии принесло немало открытий. Во-первых, опровергло типичное для советского историка представление об историографических войнах. Острота научных дискуссий и политическая конфронтация не были препятствием для объективного признания вклада другой стороны в развитие научного знания. Если внимательно присмотреться к задаваемым мною вопросам, то несложно увидеть за некоторыми из них попытку интервьюера получить оценку классовую и политическую позиции того или иного историка. Это нашло отражение в дальнейшем при написании мною книги об итальянской историографии фашизма, когда я столкнулся с проблемой невозможности следовать советской историографической традиции при описании идейно-политических школ и течений. Из итальянской историографии мною было заимствовано научное понятие «историографические интерпретации», которое в большей степени характеризовало историографический процесс в этой стране.

---

⁸ De Felice R. *Mussolini il Duce. Gli anni del consenso. 1929-1936.* Torino, 1974.

⁹ De Felice R. *Mussolini il fascista. Vol. 1-2.* Torino, 1966-1968.

¹⁰ De Felice R. *Intervista sul fascismo.* Roma-Bari, 1976.

Во-вторых, раздвинуло представление о природе фашистского феномена, подтолкнуло к изучению особенностей массового поведения, психологии масс.

В-третьих, исследование итальянской историографии расширило представления о методологическом и прикладном инструментарии исторического исследования, в какой-то степени универсальном и используемом, в частности, при исследовании отечественной истории.

Ниже публикуется аудиозапись беседы с профессором Паоло Алатри с небольшими сокращениями стилистического характера.

Я ознакомился с книгой профессора Джорджо Руми (Giorgio Rumi)¹¹ и статьей Роберто Виварелли (Roberto Vivarelli)¹² и хотел бы узнать ваше мнение относительно историографических концепций авторов.

Скажу вам сразу, что книгу Руми, я не видел. Что касается работ профессора Виварелли, то это очень точный, очень аккуратный, очень осведомленный и очень профессиональный исследователь. Я бы определил его политическую позицию как либерально-демократическую. В вопросе о происхождении итальянского фашизма, Виварелли делает акцент на изменившемся положении среднего класса. Скажем так: он не заикливается на положении двух классов – пролетариате и буржуазии, а отмечает развитие после первой мировой войны в итальянском обществе среднего класса. В отличие от марксистской историографии, которая акцентирует внимание на борьбе между буржуазией и пролетариатом, Виварелли обращает внимание на то, что появляется еще один класс – класс мелкой и средней буржуазии, и этот класс играет достаточно важную роль в развитии Италии. Он считает, что необходимо обратить значительное внимание на роль среднего класса в политическом и социальном развитии Италии. Если коммунисты и социалисты концентрировали свое внимание на роли пролетариата в освобождении труда, в подготовке социалистической революции, то Виварелли, в свою очередь, обращает внимание на то, что нельзя игнорировать политические устремления и интересы среднего класса, которые могли быть не только демократическими, но и, так называемыми, реакционными взглядами. Но все это в реальности имело место в политической жизни Италии.

В отличие от других исследователей, Виварелли предлагает, можно сказать, дискуссионную постановку проблемы, отличающую его от других исследователей в следующем вопросе. Та новизна, которая есть в его работах и которая вызывает у меня, прямо скажем, некоторые сомнения, сводится к следующему. Он считает, что после Первой Мировой войны левые предложили очень жесткий, радикальный социальный поворот, а фашизм был ответом на этот радикальный поворот. Еще раз подчеркиваю, как бы ответ на вызовы коммунистов. К этому, можно сказать, и сводится его точка зрения в

11 Rumi G. Alle origini della politica estera fascista. 1918-1923. Bari, 1968.

12 Vivarelli R. Benito Mussolini dal socialismo al fascismo//Rivista storica italiana. 1967.N2.

оценке реакции среднего класса. Он убежден, что на этой платформе фашизм смог объединить совершенно разные по своему политическому, социальному статусу силы. Вместе с тем Виварелли полагает, что фашизм не имел четко выраженной программы, он объединил, можно сказать, реакционные силы, но достаточно широкие и программно не очень определенно очерченные.

Фашизм как бы вобрал в себя все эти антилевые силы, самые различные, не объединенные какой-то особой программой и стал тем, кем изначально, в общем-то, фашизм и не являлся. И хотя я не разделяю его точку зрения, все-таки я считаю, что работа Виварелли очень аргументированная, очень основательная, очень концептуальная, и в этом плане можно говорить о действительно цельной работе итальянского исследователя.

Мне кажется, что Виварелли недооценивает агрессивность фашистской внешней политики.

Я думаю, что фашистская политика всегда была агрессивной, фашизм всегда был экспансионистским и империалистическим. Однако, если говорить о фашистской внешней политике до 1922 года, в первоначальный фашистский период до прихода к власти, то его программа была чрезмерно общей, неконкретной и невыраженной. Это было характерно для фашизма до прихода к власти. Но постепенно внешняя политика фашизма стала более концептуальной и конкретизированной, хотя я бы отметил, что после того, как Муссолини только вошел в правительство, он на раннем этапе проводил достаточно сдержанную внешнюю политику. И, возможно, это было связано еще и с тем, что на него большое влияние оказывал Контарини, который обеспечивал своего рода преемственность с предшествующей политикой правительств Италии. Первое время Муссолини прислушивался к мнению Генерального секретаря министерства иностранных дел Италии Контарини, человека старого поколения, который работал и при предшествующих правительствах. Но известный эпизод, связанный с захватом Корфу показывает, что Муссолини мало помалу освобождается от влияния предшествующего поколения во внешней политике и стремится сделать внешнюю политику Италии более амбициозной, более влиятельной и более агрессивной.

Мне кажется, что профессор Виварелли является учеником известных исследователей Г. Сальвемини (Gaetano Salvemini) и Ф. Шабо (Federico Chabot). Насколько это предположение является верным?

Я думаю, что это достаточно верная мысль. Виварелли достаточно часто обращается к работам Сальвемини и Шабо. Даже если тот и другой являются исследователями достаточно разными. Я бы сказал, что и Сальвемини и Шабо являются в некотором роде радикальными исследователями, но радикальными в техническом смысле этого слова. Как вы помните, я обозначил Виварелли как исследователя, который принадлежит к либерально-демократическому направлению. В политическом смысле, я бы сказал, что он

является либеральным демократом. В то время как Шабо является учеником школы Бенедетто Кроче, но я бы при этом добавил, что Виварелли как бы преодолевает некоторую ограниченность школы Кроче и является более открытым.

Мне кажется, что здесь в Италии некоторые исследователи, в частности, профессор Пьетро Пасторелли (Pietro Pastorelli), недооценивают значение тех концепций, которые разработал в области оценки фашистской внешней политики профессор Гаэтано Сальвемини. На сколько это является справедливым?

Может быть, это и так, но я не знаю работ этого современного исследователя. Правильнее сказать, не слежу за его творческим процессом. Может быть, вы и правы.

Мне кажется, что работы профессора Сальвемини и до сегодняшнего дня являются актуальными?

Я с вами согласен, но надо иметь в виду, что Сальвемини работал в особых условиях и не имел практически доступа к архивным материалам. В этом специфика его работ. Тем более, что он находился за пределами Италии и был вынужден работать с такими источниками как газеты, журналы, официальные документы. Но я бы отметил, что здесь как раз и находится особенность деятельности Сальвемини как исследователя, его способность из официальных фашистских газет и журналов, из официальной фашистской информации извлекать то, что ему необходимо было для формирования собственной концепции, его оценки фашистского режима и внешней политики. На основе этих материалов он оказался в состоянии сформировать свою критическую концепцию фашистского режима. И я хотел бы сказать о специфике его научного метода, можно сказать филологического, т.е. он обращал особое внимание на значимость каждого слова, предложения, интонации, и на основании вот этих, казалось бы, второстепенных вещей, он формировал свою историческую концепцию. Кроме того, он все время находился в центре полемики, и это давало ему возможность поддерживать высокий полемический тонус его научных работ. Наверное, вы знаете о том, что все работы Сальвемини сейчас вновь опубликованы. И вот этот комплекс подчеркивает концептуальную важность деятельности Сальвемини как исследователя. И надо сказать, что новая публикация книг Сальвемини позволила вновь ввести в современный историографический оборот концепции, которые были им разработаны. Много лет спустя через эту публикацию он вновь оказывает влияние на итальянскую историографию¹³.

---

¹³ Под влиянием П. Алатри я обратился к исследованиям Г. Сальвемини, результатом чего стала совместная с Т.П. Нестеровой публикация: Внешняя политика итальянского фашизма в исследованиях Гаэтано Сальвемини//Проблемы историографии внутренней и внешней политики зарубежных стран. - Куйбышев: КГУ, 1987.

Если я правильно понимаю, то значимость работ Сальвемини, не опирающихся на архивную источниковую базу, прежде всего, имеет большое значение в качестве исследовательского метода? Не кажется ли вам, что сегодня необходимо защищать концептуальную позицию Сальвемини и это имеет важное значение для современной итальянской историографии?

Действительно, эти работы имеют большое значение и необходимо защищать концепцию Сальвемини.

Следующий вопрос касается работ Ренцо Де Феличе (Renzo De Felice). В частности, я хотел бы коснуться его работы «Муссолини – революционер». На мой взгляд, в этой работе затрагиваются далеко не все сюжеты, связанные с внешней политикой, и даже ограниченное количество сюжетов внешнеполитического характера.

Это действительно так, но вы говорите только о первом томе его работы, который называется «Муссолини – революционер». Остальные тома меняют свое название. Второй том называется «Муссолини – фашист», далее идет «Муссолини – дуче» и т.д. Поэтому на самом-то деле меняются тома. Я это подчеркиваю для того, чтобы сказать, что вопросы внешней политики в первом томе действительно отражены очень слабо, но это и понятно, потому что здесь рассматривается период становления Муссолини как политика, его политических взглядов. А вопросы о внешней политике рассматриваются уже в следующих томах. И, конечно, вопрос о внешней политике в большей степени рассматривается там, где Муссолини выступает уже в качестве главы правительства. Вообще то, разговор о Де Феличе это долгий и сложный разговор. Но если вы хотите, то, конечно, я могу коснуться этой темы.

Конечно, если это возможно.

Работы Де Феличе имеют одно достоинство, я бы даже сказал даже два достоинства. Первым достоинством является то, что Де Феличе ввел в оборот просто невероятное количество документов. Его исследования основаны на очень широкой источниковой базе, причем речь идет не только об архивных документах, но и о воспоминаниях, завещаниях, дневниках, фашистской периодике, т.е. введена широчайшая научная база. Поэтому в его работе речь идет не только о переосмыслении биографии Муссолини, но и о том, чтобы создать совершенно новую источниковую основу исследования. Итак, это первый вклад Де Феличе в исследование проблемы.

А второй вклад или второе достоинство его работ заключается в том, что он рассматривает биографию Муссолини как историю фашистского режима, как историю Италии в фашистский период. Муссолини не исследуется им с точки зрения психологической личности руководителя, с человеческой стороны политического деятеля, а изучается как персонаж, который находит-

ся в центре политической жизни страны и в истории Италии. Вот это и есть вот два огромных достоинства работ Де Феличе.

Но, сказав это, я должен обратить внимание на то, что многие тезисы, которые были выдвинуты в работе Де Феличе, имеют не один, а многочисленнные смыслы, о которых надо дополнительно говорить. И многие исследователи не принимают эти многочисленные смыслы тезисов Де Феличе. Прежде всего, речь идет об оценке Муссолини как революционера, как персонажа, как действующего революционера. По моему мнению, Муссолини, конечно, не был революционером, он был человеком подрывного, бунтарского типа. Бунтарь и революционер – это не одно и то же. Это означает, что он был человеком, который стремился к достижению своих личных целей и, конечно, он имел амбиции стать руководителем, главой, т.е. возглавить какое-то движение. Но это было преследование личных, амбициозных целей. И с молодого возраста он выбрал как раз вот такой бунтарский путь.

Муссолини не был и не мог быть марксистом, поскольку в его мировоззрении, когда он был молодым, смешались элементы бланкизма, нищезанства и других далеко не марксистских течений. Это были идейные феномены, которые находились за пределами марксизма. Поэтому сам тезис Де Феличе о том, что Муссолини был революционером, в общем-то, вызывает достаточно большие сомнения и является весьма дискуссионным тезисом.

Второе, что находится под критикой, что можно весьма серьезно и основательно опровергать и критиковать, это вопрос относительно интеллектуальных способностей, интеллектуального уровня Муссолини. Муссолини был человеком очень инстинктивным, т.е. чувствовавшим массы, понимавшим массы. И эти черты Муссолини невозможно отвергать. Более того, как журналист и очень способный журналист, он уделял большое внимание вопросам пропаганды. И в этом отношении он был достаточно профессиональным человеком. Как способный журналист он был в состоянии понять настроения масс, какие идеи циркулируют в массах. Он обладал способностью проанализировать эти явления.

Но Де Феличе, по-существу, преувеличивает культурный и интеллектуальный уровень Муссолини. Он, безусловно, обладал способностями ассимилировать идеи. И это давало ему возможность представлять себя в качестве умного и интеллектуального человека. В действительности, его культурный уровень был достаточно поверхностным.

На третьем месте стоит вопрос, на котором особенно акцентирует внимание Де Феличе. Это вопрос о намерении, стремлении Муссолини создать нового человека, нового итальянца. Отсюда он делает вывод о глубоких различиях между национал - социализмом и фашизмом. Различия, по моему мнению, существовали, но были достаточно тонкими. В реальности фашистский режим не мог создать нового человека. В рамках тоталитарного режима этот новый человек был обречен на то, чтобы быть пассивным человеком. Активного, креативного человека фашистский режим не мог создать.

И отдельно хотелось бы остановиться на вопросе относительно различий между фашизмом и национал – социализмом, на который особенно опи-

рает Де Феличе. Конечно, были различия, и никто не может отрицать наличие этих различий. Но вместе с тем была и общая матрица между фашизмом и национал - социализмом. И мы не случайно используем понятие германский фашизм. Но все-таки мы говорим о германском фашизме, подчеркивая наличие общей матрицы между национал-социализмом и фашизмом. Впрочем, исторически и по времени германский фашизм пришел к власти 11 лет спустя после итальянского. Тем не менее, считаю, что можно говорить о наличии больше общего, чем отличного между ними. Поэтому, если внимательно посмотреть на интерпретации Де Феличе, то он по существу отрицает наличие общего явления, которое можно назвать фашизмом. Большинство исследователей все-таки обращают внимание, на то, что существовал такой общий феномен под названием «фашизм», хотя и были, конечно, национальные аспекты этого явления.

И еще один аспект, на котором мне хотелось бы остановиться. Это тема консенсуса, поставленная в работах Де Феличе. Действительно, был такой исторический период в жизни фашистской Италии, его можно хронологически обозначить как примерно 1936 – 1937 годы, когда фашистский режим имел определенную поддержку, солидную базу в итальянском обществе. Но если внимательно проанализировать даже само понятие консенсус, то можно говорить о том, что этот консенсус, скорее, был пассивным, более того, навязанным консенсусом, что, в принципе, бывает характерно для тоталитарных режимов. Если сравнивать фашистский режим с режимами консервативными или обычными авторитарными режимами, примеров которых мы знаем в истории достаточно много, например, во Франции режим Наполеона III. В истории можно назвать еще массу других примеров авторитарных режимов. К ним можно отнести тот же самый царизм, традиционный, авторитарный, консервативный режим. Так вот отличия между теми традиционными режимами и современными тоталитарными режимами заключаются в следующем: они не могут не быть массовыми режимами. Такова их природа.

Современный тоталитарный режим – это массовый режим. И он не может не иметь массовой базы. В этом и заключается его главное отличие. Но, как известно, в рамках тоталитарных массовых режимов массы не могут быть тотально угнетенными или тотально находящимися в зависимости. Все равно здесь есть некий элемент свободы масс. И, естественно, что они в какой-то степени бывают вовлечены в жизнь государства. Это совершенно естественное явление. Но специфика тоталитарных режимов заключается в том, что, вовлекаясь в государственную ткань, массы должны были оставаться достаточно пассивными. Государство, конечно, активизирует массы, но активизирует до определенного предела. В этом заключается специфика тоталитарных режимов. И в рамках этих тоталитарных режимов они могут демонстрировать свое участие в массовых манифестациях, они могут проявлять некий энтузиазм, т.е. имеется видимость некоей самостоятельной жизни у этих масс. Могут быть и некоторые проявления критики режима и даже отдельные выступления против самого режима.

Могу сослаться на опыт моего поколения. Я родился в 1918 году и мне было 20 лет в 1938 году, поэтому у меня есть некий личный опыт жизни в условиях тоталитарного режима. Мы были возвращены в условиях фашизма, мы получили образование в условиях фашизма, мы были воспитаны в условиях фашизма. И я могу сказать, что мы начинали, тем не менее, конфронтровать с фашистским режимом и на словах и в некоторых наших действиях.

В теории фашизм являлся антикапиталистическим. Более того, как вы знаете, он провозглашал «третий путь» между капитализмом и социализмом. Мое поколение чувствовало определенную разницу между словами и делами. Мы хорошо видели, что капитализм только укреплялся в условиях фашизма. И, конечно, мы видели, что наша страна находится весьма далеко от революции. И мы, молодежь, которой было семнадцать, восемнадцать, девятнадцать, двадцать лет учились или начинали учиться в университетах, мы понимали, начинали понимать эту разницу между словами и делами. У нас начинали возникать определенные сомнения в отношении фашизма. И начальной фазой этого возникновения сомнений и собственно такой отправной точкой критического отношения к фашизму, стала как раз война в Эфиопии. Для нас война в Эфиопии стала первым элементом кризисного отношения к фашизму. Всем было понятно, что Эфиопия страна отсталая, рабская, запоздалого развития. Тем не менее, мы прекрасно понимали, что Италия стремится доминировать в Эфиопии, захватить эту страну, Эта была первая фаза кризиса.

И следующая фаза возникла в связи с вступлением Италии во вторую мировую войну. Это была уже серьезная фаза критического отношения к режиму. И большинство из нас, молодых людей, постепенно превращалась из фашистской в антифашистскую молодежь. В связи с этим я хотел бы обратить внимание на книгу Руджеро Дзангранди¹⁴, который написал книгу, посвященную именно этому периоду переходу от одного состояния молодежи к другому состоянию. Не знаю, видели ли вы эту книгу, она называется – «долгий путь через фашизм». Вы видели эту книгу?

Я знаю о существовании этой книги, но, к сожалению, ее не читал.

Я вам советую прочитать эту книгу. В ней описывается долгий и сложный путь молодого поколения от фашизма к антифашизму. И я хочу сказать, что очень многие молодые люди, двадцатилетние, именно в этот период совершили свой путь от фашизма к антифашизму. В данном случае я говорю о студентах-интеллектуалах, т.е. о тех, кто учился в университетах. Они совершили такой переход. Будучи образованными, обученными в период фашизма, они становились постепенно антифашистами. И эти молодые люди, университетские студенты стали искать контакты с рабочими. Постепенно формировалась эта связь, и достаточно тесная, между студентами и рабочими на антифашистской основе. Если говорить о периоде тридцать шестого-тридцать девятого годов, то я бы сказал, что далеко не все из этих молодых

---

¹⁴ Zangrandi R. Il lungo viaggio attraverso il fascismo, Feltrinelli, Milano, 1962.

людей находили путь к Коммунистической партии Италии. Не все, но я бы хотел подчеркнуть, что все-таки многие из них до этого периода или после этого периода нашли себя в коммунистической партии.

Часть из нас вступила в Партию действия. Многие из молодых людей не определили себя политически. Третьи были демократами, социалистами, либералами и т.д., представляя достаточно широкий спектр политических убеждений. Четвертые не имели какой-то определенной ориентации. Но многие, еще раз подчеркиваю, вступили в коммунистическую партию.

Как я уже отметил, какая-то часть молодых людей нашла себя в Партии действия. Когда в 47 году Партия действия самораспустилась, то многие из молодых людей вступили в коммунистическую партию, кто-то в социалистическую партию, кто-то в республиканскую партию.

Одна из причин, почему молодые люди пошли в коммунистическую партию, заключалась в том, что она представлялась открытой партией, и, как не покажется странным, либерального типа. В ней проходили дискуссии, существовала определенная открытость, т.е. это была очень такая своеобразная политическая партия. И может быть, в силу этой причины многие либерально настроенные молодые люди вступали в Коммунистическую партию Италии, внося туда свои идеи свободы, свободного видения проблем, открытости. И если сравнивать коммунистическую партию Италии с соседними партиями, например, с Французской коммунистической партией, то мы можем отметить, что критика сталинизма в итальянской компартии, была более обширной, более существенной, более продолжительной. И вы знаете, что сегодня в Итальянской коммунистической партии идет внутренняя открытая дискуссия, столкновение мнений. Партия на протяжении практически всего исторического периода является открытой партией. Сомнения, критика - это не проявление критической и драматической ситуации в партии. В этой партии имеет место и критика в отношении Советского Союза, в отношении его культурной и других направлений политики.

Насколько я знаю, в итальянской историографии существуют различные течения. Если это возможно, мне хотелось бы, чтобы вы подробнее остановились на характеристике этих течений.

Я понимаю сложности, с которыми вы сталкиваетесь при индивидуализации историографических течений. Основная проблема заключается в том, что очень трудно определить границы между этими течениями. Они, как правило, бывают очень размытыми. И происходит это, прежде всего, потому, что итальянская культура не является догматической. В ней не существует закрытых позиций одной в отношении другой. Как правило, идет достаточно постепенный процесс эволюции взглядов. Например, я могу сказать, что диалог, который идет между марксистами и немарксистами, это очень творческий диалог, с взаимным проникновением и обменом идей. Это достаточно сложный процесс, который не сводится к критике или критиканству. Между

течениями нет «китайской стены», и поэтому трудно говорить о том, что вот такое-то течение является таким-то, это течение является таким-то.

К примеру, возьмем то же самое коммунистическое, марксистское течение. Между марксистским течением и другими нет китайской стены, т.е. границы представляются достаточно размытыми. И присутствует взаимное влияние течений. Поэтому, когда вы говорите о том, что очень трудно определить границы между историографическими течениями, в данном случае вы абсолютно правы. На самом деле четких границ между историографическими течениями не существует.

Если говорить об основных историографических направлениях, то можно сказать, что есть марксистская историография, есть либеральная историография. В реальности правой историографии не существует. Есть правая публицистика, но не историография. Если говорить о книгах, которые представляли бы правое или продолжали бы правое течение, то фактически их не существует на сегодняшний день.

*Я хотел бы задать вопрос относительно работ Д. Сусмела (Delio Susmel). Как вы оцениваете его книги?*¹⁵

Действительно, Сусмел опубликовал какие-то работы относительно Муссолини. Есть такие публикации. Но я считаю, что он скорее является комментатором документов, чем историком. Я не думаю, что он историк.

*А что вы могли бы сказать о работах Луиджи Виллари (Luigi Villari)?*¹⁶

Луиджи Виллари давно умер, а мне казалось, что вы говорите, скорее, о живущих историках. Все-таки, если говорить о Луиджи Виллари, то он скорее был фашистским пропагандистом и, на мой взгляд, никто его вообще не относит к историкам, у него по существу нет ни одной исторической работы. Я еще раз хотел бы сказать, что нет, я не думаю, что существует историография правых. На мой взгляд, нет. В какой-то мере и на мой взгляд сегодня правая историография представлена Ренцо Де Феличе.

Также мне хотелось бы задать вам вопрос относительно историографических школ. На мой взгляд, в Италии существуют историографические школы. Например, историко-дипломатическая школа, которую в свое

---

¹⁵ Имеются в виду работы Дуилио Сусмела, обращенные к запутанной и до сих пор невыясненной теме о судьбе секретной переписки между Черчиллем и Муссолини, которую Дуче якобы возил с собой как «охранную грамоту» вплоть до своих последних дней.

¹⁶ Многочисленные работы Луиджи Виллари по внешней политике выходили преимущественно в фашистский период.

время возглавлял Марио Тоскано (*Mario Toscano*)¹⁷. И, наверное, имеются какие-то другие.

Да, есть группа историков, которые тяготеют к дипломатической истории, но мне кажется в этом плане более важной роль историка Федерико Шабо, написавшего книгу «Внешняя политика Италии: введение». Так вот, прежде, чем осветить внешнюю политику Италии, он целый том предварил исследованием, которое касалось в основном внутренней политики. Тем самым я хочу подчеркнуть, что, может быть, за исключением Марио Тоскано, который является подлинно исследователем историко-дипломатического направления, другие исследователи, среди которых могу, например, выделить Эннио Ди Нольфо¹⁸, который очень много занимается именно историей, историей дипломатии, внешней политикой. При этом он не ограничивает себя только дипломатической историей, но, пишет в т.ч. о внутренней политике.

В свою очередь я могу сказать, что есть исследователи, которые не занимаются внешней политикой. Я, например, никогда не занимался внешней политикой. Сегодня, например, есть исследователи, и, прежде всего, это молодые исследователи, которые увлечены исследованием структур, например, экономических структур. Эти исследователи пытаются изучать нацистское влияние на Италию, изучают структуры этого влияния.

Но если говорить о каких-то новых историографических направлениях, то, мне кажется, что сегодня действительно появляется одно из новых направлений, которое находится, я бы сказал так, левее коммунистической партии. Вы, наверное, знаете о том, что в Италии сегодня существуют ультра левые. И вот эти ультра левые проявляют себя не только в политике, но и в историографической области. Эти исследователи пытаются критиковать в т.ч. марксистскую коммунистическую историографию, считая, что она является слишком традиционной. Сегодня имеется эта тенденция.

А можете ли вы назвать какие-то имена этих исследователей?

Нет, я не могу назвать какие-то определенные имена. Они есть, и они, пока еще, может быть, недостаточно известны. В основном, это молодые исследователи. Некоторых из них я знаю лично, но вот имена просто не помню сейчас, не могу назвать.

*Хорошо, а вы можете поступить таким образом: я назову некоторые имена, а вас попрошу дать хотя бы короткую оценку этим исследователям. Например, Джорджо Бокка (*Giorgio Bocca*).*

---

¹⁷ Марио Тоскано, сыграл важную роль в публикации итальянских дипломатических документов, в т.ч. фашистского периода, автор монографий о внешней политике фашистской Италии, основатель Дипломатического института МИД Италии, названного в 1971 г. его именем.

¹⁸ Двухтомник Эннио Ди Нольфо недавно переведен на русский язык «История международных отношений. В 2-х т. М., 2003.

Джорджо Бокка - достаточно известный журналист. Он автор многих работ, в т.ч. всторических, но профессионально он является все-таки журналистом. Как, например, и другой журналист Антонио Гамбино из «Эспрессо», который написал очень хорошую книгу по периоду послевоенной Италии. Это очень серьезная работа.

Дж. Бокка написал книги по Сопротивлению, биографию Тольятти. Отличие его работ от историков заключается, прежде всего, в том, что он старается использовать чисто журналистские приемы, характеристики. Он пытается сделать свои работы более популярными. И как журналист он достаточно часто приводит не совсем проверенные факты. Особенно это имело место, когда он опубликовал книгу о Пальмиро Тольятти. Эта книга вызвала достаточно оживленную дискуссию. Поскольку он использовал в этой своей книге некоторые непроверенные факты. Он все время пытается выступать, как бы против течения и его работы нацелены на то, чтобы вызвать определенную полемику, привлечь внимание. Вот то, что я хотел сказать относительно работ Джорджо Бокка. А теперь о ком другом вы хотели спросить?

Я, например, хотел бы спросить относительно исследований Джорджо Руми (Giorgio Rumi).

Что касается Джорджо Руми¹⁹, да, я читал некоторые его работы, но, честно говоря, этот исследователь не является исследователем крупного калибра.

А Франко Каталано (Franco Catalano), например?

Франко Каталано написал немало работ. Причем, можно сказать, что он написал работы, которые относятся к различным историческим эпохам. Но вот из многочисленных его книг я бы выделил работу, посвященную экономике, итальянской экономике после первой мировой войны, в промежутке между двумя мировыми войнами²⁰. Что касается его методологических позиций, то я считаю его в некоторой степени эклектичным исследователем. Если я не ошибаюсь, то по своим политическим взглядам он является социалистом. Но у него нет определенной методологической позиции. Тем не менее, как серьезный исследователь он написал достаточно большое количество работ. Но мне кажется, что он не входит в какую-то определенную историографическую группу. Мне кажется, что он все-таки действует как исследователь - одиночка. И в этом плане трудно определить его методологические позиции.

---

¹⁹ Повторный вопрос был связан с публикацией Дж. Руми книги, обращенной к происхождению фашистской внешней политики: Rumi G. *Alle origini della politica estera fascista* (1918-1923). Bari, 1968.

²⁰ Среди важнейших работ Ф. Каталано: Catalano F. *L'Italia dalla dittatura alla democrazia: 1919-1948*. V.1-2. Milano, 1975.

А Энцо Коллотти (Enzo Collotti)²¹?

Коллотти является специалистом по истории Германии и по отношениям между Италией и Германией. Он является прекрасным исследователем, блестящим историком, который ввел в оборот большое количество документов. И в качестве одной из задач исследований он видит в опровержении фашистской пропаганды относительно оценки внешней политики и итало-германских отношений. Отличный историк. Всегда основательно документирует свои работы. Я думаю, что он принадлежит к марксистскому направлению. Работы у него действительно очень серьезные и по периоду итало-фашистской оси Рим – Берлин и по другим аспектам германской нацистской политики.

Энцо Коллотти – коммунист?

Думаю, что да, но не уверен в этом. Не знаю.

А что представляет собой исследователь Марио Пакор (Mario Pacor)²²?

Он живет в Триесте и в большей степени занят вопросами, связанными с регионом Триеста, вокруг Триеста, Джулии. Он написал две-три книги, так или иначе посвященные проблемам Триеста. Я бы хотел напомнить, что это пограничная зона Италии. И здесь очень много интересных исторических проблем пограничного характера. В частности, он исследует проблемы этнических отношений между итальянцами и славянами. Как вы знаете, эти отношения развивались достаточно сложно. И особенно осложнились эти отношения в фашистский период, когда фашизм пытался денационализировать этносы и в частности денационализировать славянские народы. И в памяти славян эта фашистская политика оставила немало тяжелых мест в итало-славянских отношениях. Он освещает, в основном, именно темы такого профиля, т.е. он специалист по исследованию региональных проблем, главным образом Триеста и Джулии.

А что бы вы могли сказать о Руджеро Москати (Ruggero Moscati)?

Вы мне задавали вопрос относительно правой историографии. В связи с этим хочу сказать, что Руджеро Москати, наверное, один из немногих представителей либеральной историографии. Например, в Италии я бы отнес либералов к правым. Но это не означает, конечно, что они фашисты, они не фашисты, но я бы отнес их к правому направлению историографии. Возможно, правильнее было бы охарактеризовать историографические позиции ли-

---

²¹ Недавно вышла хорошо документированная книга Э. Коллотти: Collotti F. Fascismo e politica di potenza. Politica estera. 1922-1939. Milano, 2000.

²² Вопрос был задан в связи с публикациями автора по балканской политике Италии. Среди книг М. Пакора: Pacor M. L'Italia e Balcani dal Risorgimento alla Resistenza. Milano, 1968/

бералов как консервативные. Р. Москати больше всего проявлял интерес к исследованию внешней политики, к исследованию проблем администрации. Это вот его основные направления. Правильнее сказать административно - бюрократические итальянские структуры. Он не имеет каких-то вот крупных позиций в итальянской историографии. Но я хочу сказать, что это очень серьезный исследователь, серьезный историк.

А что вы скажете об историке Этторе Анкьери (Ettore Ancieri)?

Анкьери уже умер, но я бы отнес его к историко-дипломатическому направлению. Да, он опубликовал немало дипломатических документов. И, в общем-то, он не выходит за рамки историко-дипломатического направления исследования. Я снова хотел бы высказать свое мнение относительно того, что работы историко-дипломатического профиля являются достаточно ограниченными работами потому, что невозможно изучать внешнюю политику, игнорируя внутривнутриполитические процессы.

А Джузеппе Ведовато (Giuseppe Vedovato) и Фулио Д'Амойя?

Я бы не стал называть Джузеппе Ведовато историком. Он скорее является политиком, христианским демократом. И в рамках христианско-демократической партии он занимался вопросами внешней политики. Сферой его интересов была Африка, страны третьего мира. Да, у него есть достаточно любопытные работы, связанные с внешнеполитическими сюжетами. Но я бы все-таки не стал его называть профессиональным историком.

Что касается Фулио Д'Амойя, то я его хорошо знаю. Но это не исследователь какого-то вот крупного уровня. Я даже не могу вспомнить, что же он написал. И не могу сказать, чтобы он занимал какое-то важное место в панораме итальянской историографии.

Вот, кажется, и все, что я хотел спросить.

Если у вас еще появится интерес проанализировать работы или получить информацию о каких-то других исследователях, пожалуйста, обращайтесь. Из тех фамилий, что вы не назвали, я бы все-таки обратил ваше внимание на имя исследователя Паоло Сприано (Paolo Spriano). Он, безусловно, является исследователем очень высокого уровня²³.

Из других историков я бы, например, упомянул о Гастоне Манакорде (Gastone Manacorda). Это исследователь марксист, коммунист, он давно уже является членом коммунистической партии, многие годы он возглавлял журнал, посвященный культуре. Журнал назывался – «Общество» («Società»). Безусловно, это исследователь высокого уровня. Кроме того, я назвал бы еще и другие имена, например, Джузеппе Джариццо (Giuseppe Giarizzo). Он явля-

---

²³ Как исследователь и политический деятель Паоло Сприано входил в политическую элиту ИКП. Он автор фундаментальных работ по истории ИКП, Движению Сопротивления.

ется исследователем из Катании, социалист, занимается самыми разными исследовательскими темами, в т.ч., девятнадцатым веком, двадцатым веком. Вообще я его хорошо знаю, он такой очень энергичный человек.

Кроме того, я бы упомянул других исследователей. Примерно моего возраста историк Пьеро Мелограни (Piero Melograni). Я бы назвал его исследователем школы Де Феличе. Он принимал самое активное участие в дискуссии по поводу Третьего Интернационала и относительно влияния Третьего Интернационала на политическое развитие в Италии. В частности, он высказывал мнение, что коммунистическое движение в Италии возникло под влиянием Третьего Интернационала, что итальянские коммунисты все время действовали под диктовку из Москвы. И надо сказать, что это была такая достаточно полемичная в отношении коммунистической партии позиция автора. Вместе с тем он написал очень интересную работу, посвященную проблеме отношений между итальянским фашизмом и итальянскими промышленными кругами.

А что вы сказали бы о Розарио Ромео (Rosario Romeo)?

Я бы сказал, что Розарио Ромео является самым крупным либеральным историком сегодняшней Италии. Еще раз подчеркиваю - либеральным историком. Его либерализм является очень открытым, очень интеллигентным. Я бы дал такую характеристику Розарио Ромео. Его книги очень открыты по отношению к истории. И они являются более открытыми, чем его собственные политические взгляды. Что касается политических взглядов, то я бы сказал, что они являются очень консервативными. Только что вышли два тома биографии Кавура. Это великолепное исследование деятельности политического деятеля и эпохи. Его книги действительно являются очень свободными и открытыми в отличие от его личных, политических позиций, где он демонстрирует достаточно жесткий консерватизм.

И последний вопрос: пару дней назад мне попалась книга Убальдо (Альдо) Камназио (Ubaldo Camnasio), посвященная загадочной истории поиска документов Муссолини, якобы брошенных на севере Италии незадолго до его смерти²⁴. В послевоенное время был даже какой-то процесс с участием А. Де Гаспери по этому поводу. Как вы могли бы прокомментировать эту историю?

Нет, я не видел эту книгу. Что касается самого процесса, то припоминаю: что-то такое было.

---

²⁴ Camnasio U. Storia di un fatto di cronaca – la vicenda Carteggio Mussolini, Paneuropa, Milano, 1956